

— Чэн Си, подъем!

Створки окна с шумом распахнулись. В комнату хлынул слепящий утренний свет. Чэн Си со стоном перевернулся на постели — каждая косточка, каждый сустав ныли от изнурительной тупой боли. В голове стоял сплошной туман. Натянув одеяло на самую макушку, он жалобно заканючил:

— Хороший мой старший брат, ну дай поспать еще капельку...

— У тебя сегодня утренние занятия. Живо умываться и одеваться, не вздумай опоздать, — долетел из-за двери строгий голос Янь Цингуана.

Чэн Си буркнул что-то невнятное в ответ и уже собрался было погрузиться обратно в блаженную дрему, как вдруг...

Постойте. Откуда это странное чувство дежавю?

Вчерашние воспоминания лавиной обрушились на него, мгновенно прогнав остатки сна. Всё встало перед глазами: как младший шисюн будил его вчера, как они шли встречать Владыку Таинственного Неба, как потом, вернувшись в свой дворик, он угодил в лапы похитителя... И, конечно же, эта наглая, лживая тварь.

— Привет! С добрым утречком! — раздался чистый, жизнерадостный юношеский голосок.

Чэн Си рывком сел на постели.

Вокруг всё оставалось прежним: бамбуковое ложе, легкое покрывало, дорожный короб для книг у изголовья, придавленный стопкой рецептов, которые он переписывал полночи напролет. Рядом с коробом высилась изящная узкогорлая ваза из голубого фарфора. Вот только теперь в ней красовалась свежая ветка персика, усыпанная каплями росы... А прямо под ней сидел уменьшившийся в размерах Ли Цзин и приветливо махал ладошкой.

Крошечный — едва с ладонь, бледный, облаченный в черное одеяние, он невинно хлопал золотистыми глазами.

* «Смотри! Я ни свет ни заря сорвал для тебя этот цветок. Дарю! Скажи, я ведь такой бедный, несчастный и лапочка... Ты же не выставишь меня на улицу, правда?»*

Этот вкрадчивый голосок прозвучал прямо у него в голове.

Чэн Си лишился дара речи.

Дверь со скрипом начала отворяться — это входил Янь Цингуан. Чэн Си с быстротой молнии сгрел Ли Цзина в кулак и швырнул в распахнутое окно.

В полете Ли Цзин успел послать ему мысленное напутствие, полное самой искренней признательности:

* «Чэн Си, твою же ма-а-ать!..»*

Вошедший в комнату Янь Цингуан замер от удивления. Его младший соученик, обычно ленивый до невозможности и готовый нежиться в постели до последнего, сегодня проявил невиданную прыть. Мальчишка уже вовсю одевался и торопливо затягивал волосы в узел. Одно портило картину — Чэн Си явно пребывал в прескверном расположении духа, лицо его было чернее тучи.

— Что с тобой? Неужели занемог? Вчера ты вернулся и сразу рухнул спать, я решил — просто устал за день, — Янь Цингуан с теплой заботой коснулся тыльной стороной ладони лба Чэн Си. — Ничего не болит?

Старший брат вел себя совершенно буднично. Похоже, он напрочь позабыл о вчерашнем нападении. Чэн Си оставалось лишь гадать, какое колдовство сотворил с ним этот мелкий проходимец.

— Да нет, всё в порядке. Просто... дурной сон приснился, — Чэн Си с трудом сдержал скрежет зубовой. — А едва глаза открыл, прямо перед носом крыса здоровенная пронеслась. Перепугался насмерть.

— Крыса? Откуда в стенах академии взяться грызунам? — Янь Цингуан озабоченно нахмурился. — Неужели защитный барьер где-то дал брешь?

— Да бог ее знает, пролезла откуда-нибудь, — отмахнулся Чэн Си.

Наскоро закончив утренний туалет, он подхватил со стола короб для книг и вихрем вылетел во двор.

— Гэ, сегодня не провожай меня! Я сам добегу!

Яркий зеленый силуэт юноши устремился прочь. Лишь на мгновение он притормозил у цветочной клумбы под окном спальни, ловким движением сгрел что-то копошащееся в траве и бесцеремонно запихнул глубоко в широкий рукав халата.

— Под ноги смотри! Не растянись где-нибудь! — донеслось ему вслед из глубины двора.

Отозвавшись веселым криком, Чэн Си поспешил покинуть пределы лекарской обители.

Как только они оказались достаточно далеко, Чэн Си засунул руку в рукав, вытащил своего невольного сожителя за шкурку и яростно затряс:

— А ну живо снимай свое проклятие!

Крошечный Ли Цзин болтался в его пальцах, как тряпичная кукла. Черное одеяние его сбилось, в волосах запуталась сухая трава. Смахнув со лба соринку, он уставился на Чэн Си полными слез глазами и жалобно запричитал:

— Не могу я! Слышишь, не могу! Вчера я был на грани гибели. Если бы не связал наши души закланием, мой израненный первозданный дух просто развеялся бы прахом по ветру! Сейчас во мне едва теплится жизнь, душа истощена, культивация рухнула на самое дно. Я едва спасся! Чтобы разорвать узы Единого Сердца, нужно дождаться моего истинного тела.

Чэн Си глубоко вдохнул, пытаясь совладать с подступающим гневом.

— И где... твоё истинное тело?

Ли Цзин скорчил унылую гримасу:

— В Таньчжоу. Мой оригинал — суровый дядька средних лет, прямо сейчас читает лекцию ученикам в академии.

Линчжоу находился на крайнем севере, а Таньчжоу — на самом юге. Их разделяли тысячи и тысячи ли непреодолимого пути.

— Значит, ты просто-напросто обвел меня вокруг пальца! Коварно сыграл на моих чувствах! — в сердцах Чэн Си сдавил пальцами щеки крохи. К его удивлению, личико куклы оказалось мягким и упругим на ощупь — точь-в-точь как настоящая человеческая кожа. Даже приятно.

— Да не обманывал я тебя! — заверещал Ли Цзин, чье лицо растянулось в пальцах Чэн Си, как резиновое. Он уцепился крошечными лапками за его указательный палец и заныл: — Каждое слово вчера было чистой правдой! Я безумно рад встретить земляка в этой дыре. Ты ведь недавно тут очутился, да? А я кукую здесь уже несколько лет. Совершенно один, без друзей и близких! Ты хоть представляешь, через какой ад мне пришлось пройти?!

Тут мелкий Ли Цзин картинно разрыдался, и слезы брызнули из его глаз, точно из открытого пожарного гидранта.

— Я же был обычным, невинным студентом! Просто от скуки открыл почитать какую-то

новеллу — и бац! Застрял в теле занудного сухаря средних лет! Это же полная противоположность моей натуре! Ты хоть понимаешь, насколько это жестоко — заставлять прирожденного весельчака и шута круглосуточно строить из себя неприступного и загадочного мудреца?!

Чэн Си невольно ослабил хватку.

— И насколько же?

— Да у меня там лицо как каменная плита! — Ли Цзин шмыгнул носом и вытер крошечные слезки рукавом. — Чтобы не сломать образ, мне нельзя плакать, нельзя смеяться, нельзя злиться и даже нормально есть! Ложусь в час ночи, встаю в пять утра, медитирую до посинения, а днем приходится участвовать в бесконечных интригах этих высокородных господ. Год назад я с таким трудом раздобыл эту куклу-оболочку, чтобы хоть иногда тайно выпускать пар и дурачиться. И что в итоге? Стоило мне ее опробовать, как — бах! — и ее разнесли в щепки.

Малыш обхватил себя ручонками за плечи и жалобно всхлипнул:

— И теперь от меня остался вот этот огрызок. Я не хотел втягивать тебя в свои неприятности, клянусь, но у меня просто не было выбора! Обещаю, как только оригинал освободится от дел, я примчусь и сниму с нас заклятие Единого Сердца!

Чэн Си окинул его полным подозрений взглядом.

— Вообще-то, в узах Единого Сердца есть масса плюсов! — Ли Цзин заговорщически так заглянул ему в лицо.

— И каких же?

— Ну, хоть наши души теперь и связаны неразрывно, обрекая нас делить жизнь и смерть на двоих, мы также делим все физические ощущения! — Ли Цзин уселся прямо посреди ладони Чэн Си и воодушевленно замахал руками: — Понимаешь? Всё то, что тебе нельзя есть из-за твоего слабого здоровья, я могу пробовать и передавать вкус прямо тебе в мозг!

Чэн Си безжалостно швырнул наглеца обратно в дорожный короб для книг и с хлопком задвинул крышку.

— Размечтался.

Программа обучения в Академии Духовной Горы была чрезвычайно обширной и сложной. Даже священные духовные письма делились по уровням: те, кто едва встал на путь самосовершенствования, попросту не могли воспринять сложные высокоранговые тексты. Для удобства всех учеников разделили на десять классов согласно их способностям и уровню духовных сил.

Жун Ин с его выдающимся талантом, разумеется, сразу попал в элитный Небесный Класс. Что же касается Чэн Си... Хотя его тело и было до краев наполнено чистейшей духовной энергией, он не способен был выжать из себя ни единой крупички силы. В итоге его определили в самый никчемный, замыкающий список Класс Созвездия. Небесный Класс и Класс Созвездия разделяла непреодолимая пропасть — ученики оттуда могли не пересекаться месяцами.

Впрочем, Чэн Си это вполне устраивало. По крайней мере, теперь ему не приходилось судорожно взвешивать каждое слово, боясь ненароком обидеть главного героя романа. Предоставленный самому себе, он целыми днями изучал то, что ему действительно нравилось, наслаждаясь тишиной и покоем. Наставники, прекрасно знавшие о его высоком происхождении, относились к нему с особым снисхождением. К тому же Чэн Си был хорош собой, вежлив, приветлив и совершенно лишен высокомерия, так что местная детвора быстро привязалась к новому соученику.

Да-да, именно детвора. Средний возраст его одноклассников едва достигал восьми лет. И если эти карапузы по результатам ежемесячных испытаний постепенно переходили в более высокие классы, то Чэн Си оставался на месте, подобно несокрушиму гранитному утесу. Из раза в раз он с гордостью занимал почетное последнее место в списках успеваемости, прочно удерживая за собой звание старейшего авторитета Класса Созвездия.

— Братец Си пришел!

Стоило ему распахнуть двери, как ватага ребятишек с забавными пучками-рожками на головах дружно повернулась в его сторону. Чэн Си едва успел поставить короб на пол, как его тут же накрыла живая волна из восторженно пищущих карапузов.

Правила Академии Духовной Горы строго запрещали родственникам сопровождать учеников. Малыши, оторванные от родительского гнезда в столь нежном возрасте, поначалу чувствовали себя совершенно потерянными. Местные наставники благодушием не отличались: малейшие капризы или слезы карались со всей строгостью — провинившихся выставляли на всеобщее обозрение во двор или безжалостно били линейкой по ладоням.

Когда тоска по дому становилась для кого-то из малышей невыносимой, Чэн Си, не выдерживая их горьких слез, всегда приходил на помощь — утирал носы и ласково утешал. Вскоре юные бессмертные господа из Класса Созвездия единодушно признали этого красивого, но абсолютно бесполезного юношу своим названным старшим братом.

Он был таким чистым, мягким, от него всегда так приятно пахло сладостями. Стоило им окружить его, как он принимался ласково гладить по головам каждого без исключения. Иногда

Чэн Си тайком подсовывал им крошечные леденцы — одна такая конфета могла скрасить самый безрадостный день. Чэн Си с легкостью улаживал любые детские ссоры. Огорчало малышня лишь одно: тот холодный и грозный старший брат, что прибыл на гору вместе с любимым братцем Си, нагонял на них жуть, да и задания раздавал неподъемные.

Чэн Си привычно потрепал по вихрам пушистые детские макушки и принялся терпеливо отвечать на их бесконечные вопросы. В это время запертый в коробке Ли Цзин, подглядывая сквозь узкую щелочку, задумчиво размышлял:

* «А-а, так у него тут целый заповедник подлиз! Неудивительно, что мои попытки покорчить из себя милашку потерпели полный крах...»*

Устроившись за партой в самом дальнем углу класса, Чэн Си отложил в сторону подготовленные толкования к духовным текстам и достал прописи для каллиграфии. По правде говоря, благодаря памяти прежнего владельца тела, у него не возникало ни малейших трудностей с чтением священных писаний, да и каноны он заучивал мгновенно. Вот только от этих глубоких познаний не было ровным счетом никакого толку.

Он не умел направлять духовную энергию. Его каналы молчали. Из-за этого на практических занятиях он неизменно оказывался в самом хвосте. Вероятно, когда нынешние карапузы благополучно сдадут все экзамены и перейдут в Небесный Класс, Чэн Си всё так же будет гордо восседать за своей партой, не сдвинувшись ни на пядь.

Наставники поначалу долго ломали головы над его феноменом, но в итоге лишь развели руками и вынесли окончательный вердикт: к совершенствованию юноша абсолютно непригоден. Куда разумнее оберегать его как обычного смертного. Пусть живет сколько отмерено — даже если ему суждено уподобиться беззаботной поденке, чей век длится всего день, пусть этот день принесет ему только радость.

Поэтому учителя сквозь пальцы смотрели на его безделье, предоставив юноше полную свободу действий. Библиотека Павильона Сокрытых Текстов была открыта для него в любое время суток, он мог беспрепятственно гулять среди грядок с редкими лечебными травами, тискать диковинных зверей в питомнике и безвылазно гостить в лекарском покое под присмотром личного ученика бессмертного целителя. Единственным местом, куда Чэн Си путь заказали, была тренировочная арена — наставники до смерти боялись, что какой-нибудь неловкий адепт случайно заденет хрупкого юношу во время поединка. Специально для него на безопасном расстоянии обустроили крытый помост, откуда можно было наблюдать за тренировками, но Чэн Си этой привилегией ни разу не воспользовался.

За два месяца пребывания в Классе Созвездия Чэн Си, окруженный всеобщей заботой и покровительством, окончательно обленился. Разумеется, за вечное последнее место в списках успеваемости его всё же журили и назначали наказания. Поскольку толку от переписывания священных текстов для него не было, наставники заставляли его переписывать рецепты снадобий — так он хотя бы приносил пользу, помогая вечно занятым лекарям справляться с нехваткой переписчиков.

— Недурно устроился, — завистливо процедил Ли Цзин из своей коробки.

— Это только потому, что век мой недолог. Даже если главный герой не решит прирезать меня, я едва ли протяну до восемнадцати лет, — Чэн Си неторопливо вывел аккуратную черту в прописи. — Любые поблажки учителей — это лишь смесь жалости и страха перед моей семьей.

В нынешнем мире процветали три великие обители бессмертных. Обитель Тройных Небес вела уединенный образ жизни, скрываясь от мирской суеты. Обитель Великого Единого радушно принимала под свое крыло любого способного искателя истины. И лишь Обитель Облачного Слияния стояла особняком — это был единственный великий клан, власть в котором безраздельно передавалась по наследству из поколения в поколение.

Третий молодой господин Чэн был баловнем судьбы, изнеженным любимцем всего клана. В детстве стоило ему заикнуться о том, что он хочет звезду с неба, как любящий отец тут же отправлялся на поиски осколков созвездий, чтобы подарить их сыну в качестве заурядной игрушки. Для него не существовало недостижимых вещей. Семья могла преподнести ему весь мир на блюде.

Всё, кроме долгой жизни.

Обладая безупречным телом духа от рождения, Чэн Си притягивал к себе духовные потоки со всей округи. Однако у него отсутствовали духовные кости. Сколько бы энергии ни впитывало его тело, он не мог подчинить ее своей воле. Со временем накопившаяся сила просто разорвет его хрупкую плоть изнутри, обратив ее в невесомый прах, который унесет ветер.

Но всё могло бы измениться, владей он божественными костями. Ярким примером тому служил Владыка Таинственного Неба из Обители Тройных Небес. Рожденный с чистейшим духовным телом и благословенный священными костями бессмертного, он постигал тайны культивации так же легко, как дышал. Небесный избраннык, величайший гений своего поколения, которому самой судьбой предначертано было достичь вершин Дао... Как такому не позавидовать?

Именно поэтому старейшины Обители Облачного Слияния так страстно жаждали заполучить божественные кости Жун Ина. Они задумали чудовищное злодеяние: вырезать кости сироты и пересадить их своему молодому господину, тем самым украв чужую счастливую судьбу.

В первой жизни заговор увенчался успехом. Но Чэн Си допустил роковую ошибку во время медитаций, превратившись в полубезумного полудемона. В итоге его постигла страшная кара: вернувшийся из бездны Жун Ин, обуреваемый жаждой мести, подверг его жестокой казни, заживо содрав кожу и срезав плоть с костей.

У нынешнего Чэн Си не было ни подобных амбиций, ни глупой отваги. Дожить лишь до восемнадцати лет? Ну и пусть. Шесть лет беззаботной и сытой жизни — это не так уж мало, если подумать.

В конце концов, он относился к этому как к заслуженному санаторному отдыху перед неминуемым концом для уставшего от вечных переработок офисного раба.

<http://bllate.org/book/18408/1799573>